

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д26

Художник
Андрей Фerez

ISBN 978-5-7516-1528-4
© Николай Дежнев, 2019
© «Текст», 2019

Машеньке

«Не тот пошел нынче бомж, ох не тот, — думал Арчи, работая ложкой, вилку не давали, — измелчал! Где глубина трагедии падения, где яркость личности? — одно жлобство и тоскливое безразличие ко всему на свете и к себе, лишь бы похарчиться на халяву. А ведь бездомные, как армия и полиция, это скол общества, по которому о нем судят. Каков народ, такие и песни, не пеняй на зеркало, коли рожа кривая... что там еще? — поскреб в памяти Алексей. — Не плюй в колодец... нет, это из другой оперы! — Оглядел серую массу занятых потреблением пищи людей. — Жизнь, в России всегда гроша ломаного не стоившая, упала в цене окончательно, поминки, за неимением лучшего, стали праздником».

В церкви Космы и Дамиана, что наискосок от здания Моссовета, был, выражаясь театральным языком, аншлаг. В любимом московской интеллигенцией храме кормили обездоленных. Сохранившийся в неизменном виде с начала восемнадцатого века, он повидал войну двенадцатого года, у стен его расстреливали поджигателей города, служил и библиотекой, и типографией, теперь вот стал столовой для бомжей. Не каждый день, только по средам и по пятницам после утренней службы, здесь потчевали тех, кого судьба пинками загнала в угол.

«Если задуматься, — рассуждал Арчи, принимаясь после супа за пюре из порошка с соевой, — в этом есть справедливость: куда, как ни в церковь, податься человеку со своими бедами. Да, простенько, без изысков — кому они, эти изыски, нужны? — зато сытно, можно дотянуть до завтра, а там будет день, будет и пища! Одухотворенные у трапезничающих лица или опухшие от беспробудного пьянства — люди же, им жрать хочется. Зарекаться от сумы и от тюрьмы в доставшемся тебе отечестве не стоит, главное пережить лихолетье, а там, глядишь, наступит новое, живем не на облаке».

Крутится, подминая под себя людишек, колесо истории, мечутся они по просторам родины, уворачиваются от катка государства, готового закатать их под асфальт. От того и бодр народ, потому и энергичен, не дает вести себя на бойню за предержавшими власть козлами, они-то точно увернутся.

Принимать пищу за одним столом с бомжами Арчи было не зазорно. Появился он в разношерстной компании с месяц назад, но чувствовал, что смотрится на их сером фоне белой вороной. Сидеть за расставленными от притвора до притвора столами старался в центре, ел и посматривал по сторонам, изучал. В разговоры с соседями не вступал, но слушал, о чем говорят, внимательно, приглядывался к манере вести себя и говорить, но тщетно, ничего полезного подметить не удавалось. Все было обыденно, скучно и бесцветно, о характерах, хоть как-то приближающихся к горьковским Барону и Сатину, не приходилось мечтать, а познакомиться с такими хотелось.

Стоял, слушал вместе со всеми нечто среднее между молитвой и проповедью, лишь по-

том приступали к еде. Никто на задержку не роптал, знали, что заведенный порядок надо соблюдать, а то могли и вывести под белы ручки. В подпитии так и вовсе не пускали, на входе в храм формировали очередь двое ребят поздоровее, из волонтеров. Впрочем, очереди как таковой не было: сначала запускали чистеньких домашних старушек, у них было свое особое место, затем тех, кто со справками, что прошли санобработку, и только потом остальных, гуртом. Всего человек двести, а была еще и вторая смена, с ними Арчи и заходил. К бомжам себя, естественно, не причислял, но и перекусить бесплатно было неплохо. Денег часто не хватало, в театре платили с перебоями.

Обслуживающие кормление добровольцы, в основном разных возрастов женщины, раздавали хлеб, два ломтика черного и белый в одни руки. Супа, не баланду, на мясном бульоне, подсуетившись, можно было получить с добавкой, Арчи никогда не просил. В те же быстро пустевшие тарелки накладывали второе, опытные люди приносили с собой кетчуп или майонез, с ними легче было в себя все это запихнуть. Запивали жиденьким чаем. Святые с икон смотрели на трапезничавших со скорбными лицами. Приятным было то, что сами добровольцы ели то же, чем угощали бомжей, это делало им честь. По большим церковным праздникам раздавали печенье, а то и вафли. На туалет благотворительность не распространялась, тут всяк устраивался, как мог, благо соседние дворы не запирались.

Не от хорошей жизни приходили подкормиться в храм люди, но были здесь и такие, кто не желал жить по-другому. Худо ли, весь день свободен, а по весне и до самой осени во-

обще лафа, под каждым кустом, как утверждал баснописец, тебе и стол, и дом, и бутылка, на нее всегда можно наскрести. А многие вообще подавались на юга, полиция с дурно пахнувшими согражданами старалась дел не иметь.

На дне, на том дне, о котором писал Горький, все было по-другому, но Арчи, грешным делом, Алексея Максимовича недолюбливал. Трудно сказать почему, может, из-за воспетого им канала Москва — Волга, строили его заключенные, а может, из-за плаксивой сентиментальности классика, было в ней что-то отталкивающее... Было-то было, но, если в кои-то веки удалось получить хорошую роль, вылезешь из кожи вон и вывернешься наизнанку! Ставить «На дне» режиссер решил, так сказать, в новом прочтении, хотя в труппе сомневались, что он вообще умеет читать. Втайне от себя Алексей мечтал получить роль Луки, но в той же тайне подозревал: высоко берет. На Барона не замахивался, понимал, не его, Клещ был тяжеловат, что ж до выпавшей на его долю роли Актера, она по-настоящему обрадовала. Одна из главных, в любом случае заметная.

Если, думая о спектакле, Арчи о чем-то и жалел, то лишь о том, что ключевые слова достались не ему. Нет, не «человек — это звучит гордо», навязшая в зубах банальность, а то, что люди часто лгут из жалости к ближнему. Реплика эта легко могла принадлежать его персонажу, тем более что в последней сцене Актер повесился, но Горький отдал ее другому. Почему?.. Скорее всего, из прихоти. Когда Арчи заикнулся режиссеру о претензии на эти слова, тот отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

Алексею оставалось лишь благоразумно промолчать. После череды «чего изволите» и

«шаги за сценой» роль Актера была большим успехом, его хорошо было бы развить, и Арчи поклялся себе сделать все, чтобы его наконец заметили. Потому и пошел, как сказали бы раньше, в народ, чтобы напиться в подходящей среде живыми впечатлениями, только среда эта бомжовая оказалась не питательной. В любом случае он не только чувствовал себя, но и был здесь чужим, и останется чужим, даже если скатится до сточной канавы.

Попадались в серой массе и другие белые вороны. Чистенько, но бедно одетые, стеснялись своего положения, Арчи выделялся и на их неприглядном фоне. Какой же из него бомж, если живет в старинном, престижном доме, пусть и под крышей? Крошечная студия в мансарде в центре города — об этом можно было только мечтать! Имелась и работа, пусть досыта и не кормила. Театрик, в котором он служил, был глубоко дотационным, что, впрочем, никак не сказывалось на амбициях его руководства. Оно, по-видимому, считало, что глаза актеров обязаны гореть если не творческим, то хотя бы голодным огнем. Хвататься приходилось за любую работу, благо на радиостанциях осел кое-кто из однокашников, и в кино временами возникала потребность в ролях третьего плана. Не брезговал Арчи и участием в детских утренниках и на елках, но оказия выпадала все больше к концу года, а есть хотелось каждый день.

Вряд ли о подробностях его жизни знал Пузырь, но кое о чем догадывался. Источником его информации мог быть лишь виолончелист, единственный из сотрапезников, с кем Алексей поддерживал хоть какие-то отношения. Увидев их вместе, кто-то мог бы сказать, мол, два сапога пара и оба на левую ногу, но впе-

чатление было ложным. Прянишников выглядел много старше своего возраста, жизнь его порядком потрепала, да и на что может надеяться погрязший в безденежье мужик второй половины средних лет? Усталый, брошенный женой, он сложил лапки и тихо шел ко дну. Слушая в подземном переходе печальные звуки виолончели, Алексей пытался и все никак не мог понять, почему злодейка-судьба круто обошлась с его приятелем. Играл Прянишников, по его мнению, виртуозно, однако ни в один оркестр его не брали. Выступать приходилось соло, где попало, и, что удивительно, это его устраивало. Мстислав Ростропович играл для миллионов, Прянишников довольствовался проходившими мимо десятками, сидел на раскладном стульчике и водил смычком по струнам. Жалкий и пугливый, он, как подзревал Алексей, вообще боялся жить и был уверен, что очередной сошедший с орбиты космический объект рухнет именно на его голову. Потому и втягивал ее постоянно в плечи. Таково, как говорят в народе, было его еврейское счастье, хотя и евреем по большому счету Прянишников не был.

«Если бы вы играли на флейте, — говорил он Арчи, — мы могли бы давать концерты. У меня дома есть слегка поношенный фрак, пошит будто на вас. — В предвкушении закрывал глаза. — Соната для виолончели и флейты Баха!.. — Выражение просветлевшего лица становилось блаженным. — Танго “Обливион” Пьяццоллы!» — Утирал тыльной стороной ладони наворачивающую слезу.

Но время учиться владеть столь изысканным инструментом, как флейта, было бесповоротно упущено, да и со слухом у Арчи дела

обстояли не очень. Если что-то их и объединяло, то лишь ощущение ненужности обществу, вытеснившему обоих на обочину.

Что до Алексея было Пузырю?.. А черт его знает! Говоря о горьковских типах, пожалуй, он единственный был достоин пера Алексея Максимовича, но подходить к нему близко Арчи опасался. В нем чувствовалась какая-то недобрая сила, какой не было во времена, когда творил классик, возвращенная последними десятилетиями опустошения души и всеобщей озлобленности. Соседи по столу как-то обмолвились, что когда-то Пузырь был вполне себе человеком, кажется, даже архитектором, но опустил и сделал это намеренно. Наглый и заносчивый, он чувствовал себя среди бомжей королем, и свита, по законам сцены, ему подыгрывала.

Не то чтобы прихвостней было много, но, как и в целом в стране, они правили бал. Оправдывавший всем своим видом кличку, Пузырь это поощрял. Накаченный, словно футбольный мяч, спесью, стоял теперь с брюзгливым видом у мраморного парапета садика напротив церкви и поглядывал с ухмылочкой на двери храма. Кормление между тем заканчивалось, и люди потянулись тонкой струйкой на улицу. Мелькнул с футляром за спиной Прянишников, сделав вид, что ничего не замечает, потрусил в сторону Тверской. Арчи вышел на улицу одним из последних, разговорился с бригадиром волонтеров. Тот жаловался, что московские монастыри готовы помогать заблудшим душам вернуться на малую родину, желающих только находится немного, жизнь в столице слаще и сытнее.

Перекрестившись, как принято, на икону над входом, Алексей двинулся было в сторону Большой Дмитровки и только тут заметил при-

слонившегося плечом к мрамору ограды Пузыря. Сомнений не было, его он и подждал, в то время как вниз по переулку маячили фигуры его приспешников. Скорее всего, прикинул Арчи, избивать человека в центре Москвы под телекамерами располагавшегося неподалеку банка никто не станет, но открытие было не из приятных. Остановился, засунув руки в карманы плаща, подождал, пока Пузырь приблизится. Тот шел вразвалочку, зажав в желтых зубах спичку. Куртка с чужого плеча, безразмерные штаны, однако ноги в тяжелых, добротных ботинках, и на голове вполне приличная кепка.

Подойдя, извлек на свет пачку дорогих сигарет и протянул Алексею:

— Закуривай! После сытного обеда самое оно...

Манера говорить вроде бы расслабленная, только вот стиснутые набрякшими веками глазки напоминают пулеметные гнезда.

Арчи пачку не взял.

— Спасибо, не курю!

Это не было совсем уж правдой, такую роскошь он себе позволял, но курева сам старался не покупать. Не из-за экономии, как с подачи Крупской бросил курить Ильич; врачи предупредили, что рано или поздно пристрастие к табаку скажется на голосовых связках. У Высоцкого хрипота была фишкой, Алексею голос надо было беречь.

— Да угощайся, — настаивал Пузырь, — подыми с хорошим человеком, тебя не убудет! — Цыкнул зубом, сплюнул на асфальт слюну. — Иль брезгуешь?.. Иль, ешкин-трешкин, я тебе не компания?

Не желая обидеть, Алексей пожал неопределенно плечами. Прищурившись, Пузырь окинул его с ног до головы взглядом.